

ВНУТРИ НЕРАЗМЫКАЕМОГО КРУГА

*Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.*

А. Блок

Талантливый, самобытный, непохожий ни на кого из предшественников, хотя стихи его неотделимы от русской классической поэзии, Виктор Федорович Панкратов по воле обстоятельств, связанных с развалом Советского Союза, начиная с 90-х годов прошлого века оказался «внутри неразмыкаемого круга» воронежской известности, так и не вырвавшись за его пределы. И вовсе не лень поэта была тому причиной, а смутное время, равнодушное к любому творчеству, финансовая немощь автора с тиражами его книг в 100–200 экземпляров, полный упадок интереса к стихам у «самой читающей» страны, вынужденной выживать и заботиться не о пище духовной, а о хлебе насущном. При жизни Панкратова не было ни одной публикации с оценкой его творчества. Литературоведы его не заметили, критики не оценили. Как не вспомнить здесь строки поэта Льва Озерова: «Талантам надо помогать, / Бездарности пробьются сами».

Виктору Панкратову не помог никто... Сборник стихотворений «Святцы Лукичевского лета» вышел в 1997 году тиражом всего в 300 экземпляров, а «Останется остуды странный след» — на средства, собранные друзьями и почитателями поэта — был издан в 2001 году тиражом... в 100 экземпляров.

Виктор Федорович Панкратов, как писал о нем в предисловии к сборнику стихов «Это сладкое право на грусть...» Эдуард Пашнев, «...был человеком большим и веселым». Но в этом большом, от крестьянских корней, теле жила многими непонятая, добрая, тонкая и ранимая душа. Он не терпел фальши ни в поэзии, ни в человеческих отношениях и на всякую обиду и несправедливость реагировал немедленно и весьма эмоционально. Вероятно поэтому в писательской среде 90-х прослыл человеком несговорчивым, строптивым. Жаль, но «остуды странный след» был его уделом все последнее десятилетие жизни.

Принципиально не желая просить о помощи, он жил впроголодь на маленькую

пенсию и бывал неизменно рад моему приходу и приходу других друзей и знакомых, которые поддерживали его съестным.

Знали мы друг друга давно, еще с 60-х, когда он работал в «Подъёме», а я посещал литобъединение при журнале. Но это было просто знакомство. Я открыл его для себя заново в 1997 году, прочтя сборник «Святцы Лукичевского лета». Это был совершенно другой уровень поэзии Панкратова, где он предстал зрелым, сильным, влюбленным в природу родного заповедного края.

Мы встретились через 33 года, чтобы уже не расставаться до его ухода из жизни. Дружили на равных все десять лет, и, вопреки мнению о его непредсказуемом поведении, между нами никогда не возникало даже тени какого-либо недоразумения. Наши взаимоотношения были неизменно добрыми и душевными. С чувством благодарности вспоминаю об этом в канун 90-летия моего друга-поэта.

Шесть лет после выхода в свет сборника стихов «Останется остуды странный след...» на подоконнике у Виктора лежала рукопись его новой книги «Это сладкое право на грусть...». Я ходил по инстанциям, добиваясь выделения денег на ее издание. Обращался к губернатору И.М. Шабанову, к председателю областной Думы, к мэру Воронежа. Ответ был один: «Нет средств». Только после моего обращения к губернатору В.Г. Кулакову в начале 2007 года дело сдвинулось с мертвой точки. Но увидеть книгу Виктор не успел. В один из дней начала августа мне позвонила детская писательница В.А. Шипулина и передала просьбу Панкратова срочно приехать. Я немедленно отправился к нему. Рукописи на окне не было. Панкратов уже не поднимался с кровати. «Найди рукопись... Я не знаю, где она... Только ты сможешь ее издать», — тяжело, с паузами произнес Виктор.

Рукопись я отыскал рассыпанной, со следами грязных подошв на листах — в куче мусора, собранного на выброс. Опоздай я на день — и было бы уже поздно. Несколько дней работал с ней. Так как многих листов не хватало, пришлось заново печатать недостающие стихотворения. Хорошо, что сохранилось содержание. Хлопоты по ее изданию легли на меня уже после смерти поэта...

В предисловии к посмертной книге Панкратова известный поэт и драматург, друг молодости Виктора Э. Пашнев отметил, что стихотворения его — «...это все та же любовь и нежность ко всему живому и естественному, к людям, стрекозам, травам и деревьям».

Тянет к лесу, деревне и вольнице,
Край дорог полевых не забыт...
Клохчет рыжий петух на околице —
Клювом целится в лунки копыт.
Побережник с ветвями оклеклыми —
Милой родины тихая дань.
Вновь тумана седыми волокнами
Голубая заштопана даль.
Я, расцветного омута первенец,
Мир природы листаю,
А в нем
Нескончаемо булькает перепел
На июльском лугу заливном...

Виктор Панкратов — лирический поэт, певец природы по образному строю своих стихов, по глубине чувства, по удивительной зоркости и образности восприятия родного края. Он сумел выразить и подарить людям каждый штрих и дуновение, незаметные равнодушному взгляду, каждое проявление жизни природы, ее настроения, все оттенки света и цвета. Только в одном стихотворении «Такая жизнь» он передал и «зыбку темень» ночи, и «дрему сладкую в стогу», и «языческое пламя костра», и «лунный отблеск на стерне». А сколько таких строк в его последней книге...

Виктор Федорович Панкратов

Грусть и духовное одиночество сопровождали его все последние годы и нашли отражение во многих стихах. А вместе с тем — и размышления о праведном и грешном, о душевной чистоте, о любви к женщине, к малой и большой родине. Любви не декларативной, а сокровенной, узнаваемой по многим приметам, отмеченным зоркостью искренне любящего сердца. Разве не тронут душу любого человека, не вызовут отклика такие строки стихотворения «Вечернее»:

— Мне остается гречишная Русь.
Храм на пригорке...
Землица сырая...
Если захочется грешного рая —
голосом Бога тебе отзовусь,
в сердце святую молитву вбирая...

В который раз перечитываю стихи Виктора Панкратова и снова поражаюсь их чувству, неожиданности и образности метафор, новым словам и рифмам, которых не встречал у других поэтов.

Рожденный в свитском доме Рамонского замка, он любил Рамонь, ее заповедные места и неоднократно упоминал об этом в своих стихах. В самые трудные времена он писал:

Я не сдаюсь:
во мне дымит огарок
рамонской неуступчивой судьбы.

И в стихотворении «Завещание» читаем:

Я могу умереть на Васильевском острове...
Только пусть похоронят в Рамонском лесу.

К сожалению, желание его не было выполнено. Скорее всего, никто не захотел лишних хлопот...

Он так и не вырвался за предел «неразмыкаемого круга» на простор российской словесности, не смог донести до широкого круга читателей «...ранней звезды изумленную душу...». Но прожил свою творческую жизнь честно и достойно, работая над стихами изо дня в день, оставив прекрасную, волнующую лирику.

А душе-то,
ей нужны ли чьи-то розыски?
Мысль моя напоследняя проста:
— Все равно я жизнь
прожил по-божески,
даже если будет
только темнота!..

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

ВЕЧЕРНЕЕ

Старые письма найди и порви.
Грустью не вызноби редкие встречи.
Вечер доверчиво трогает плечи
улочке
имени Странной Любви,
метит каштана оплывшие свечи.

Гладит торопко на листьях ворсу.
Боль и разлука в глухом приговоре,
может быть,
все обустроится вскоре,
но искупительно не принесу
я на губах волноликое Море.

— Мне остается гречишная Русь.
Храм на пригорке...
Землица сырая...
Если захочется грешного рая —
голосом Бога тебе отзовусь,
в сердце святую молитву вбирая.

Выберешь ли тривиальную явь —
я подчиняюсь святому итогу:
— Вырви надежду, но только оставь
путнику
Поле,
Звезду и Дорогу...

СИЯТЕЛЬНЫЙ АВГУСТ

Мир этот сердцу моему соосен.
Ты августа сиятельного жди...
В нем на рассвете,
розовом от сосен,
вокруг деревни бегают дожди.

Красна узорнолистая рябина.
С небес нисходит Благодать.
И вот
мой дом,
как отколовшаяся льдина —
по памяти
обветренно плывет...

И облаков летучих дирижабли.
И Усманки
фарватер вековой.
И у воды лениво дремлют жабы.
И пряно пахнет
теплою травой...

...Российское лоскутное посконье:
с костром трескучим,
с берегом седым...
В лохматом
и дремучем густосклоне
чуть ошалело притаился дым.
И бересклет —
глаза остекленели...

— Я крест Рамони
по судьбе несу.
И по-монашески чернеют ели
в призаповедном
Енинском лесу.

2001

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

Звезды в небе.
Ветер в поле.
Дрема сладкая в стогу...
В серебристом ореоле
жеребенок на лугу.
И размыты очертанья.
Темень зыбкая остра.
В ней — языческое пламя
невысокого костра.

По откосам
стынут росы.
Лунный отблеск на стерне.
Ночь извечные вопросы
задает тебе и мне.
— Так ли жили?
— Так ли пели?
Жизнь бесхитростно проста —
от младенческой купели
до созвездия Креста.

До погоста,
что в Рамони, —
только час туда езды...
До черты на небосклоне
вдруг
погаснувшей звезды!

1987

СВЕТ ЛЮБВИ

Принимаю в душу детства лебеду.
За мостком из бревен —
тени тесным кругом.
Воздух прян и сладок, будто на меду.
Травы изумрудные
царствуют над лугом.
Светел и узорчат облака киот.
Сочиняют песню птицы-мастерицы.
Синева лазурная медленно плывет
под твои иконные —
длинные ресницы...

2001

БЕСЦЕННОЕ НАСЛЕДСТВО

Тетка Оля — добрейших статей человек:
на земле и в доме за троих попахала.
— Пожила бы еще!..
Только кончился век.
Оступилась Душа без страны краснотала...
Бестелесно она воспарила впервой —
но улыбку хранит пожелтелое фото...
А в рамонских краях
день играет травой,
водяными глазами поводит болото...
Побережный песок
стадом заспанным взрыт.
Утро катит малиновый шар на востоке.

Третьи сутки подряд
утка плачет навзрыд
в камышовой и чуть маслянистой протоке.

Частоколом берез
мир Любви обнесен;
изумрудным огнем полыхают их свечи...

— Кто доскажет последний и вещей мой сон?
— Кто теперь от хворобы внезапной излечит?..

Широко разошлась на полнеба заря.
По полянам трещат шепутные сороки.
Я у тетки учусь:
от ее словаря —
у меня эти русские
добрые строки!..

2003

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

...Гуси над скошенной нивой.
Жухлой лещины кора.
Тихой —
грибной и дождливой —
выдалась нынче пора.
В сумерках табор растаял.
Слезно взгрустнула ветла.
Песня медовая с травня
в плавни заката вплыла.

— Била нежданною крупкой —
так безмятежно бела, —
строгой,
воздушной и хрупкой
поздняя осень была...

2001